

УДК 338.48
ББК 63.52

О ВЛИЯНИИ МАССОВОГО ТУРИЗМА НА КУЛЬТУРУ, ОБРАЗ ЖИЗНИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ ТУВИНЦЕВ СИНЬЦЗЯНА

МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ МИХАЛЕВ

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

***Аннотация.** За последние три десятилетия места традиционного проживания тувинцев Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР превратились в популярный объект массового этнокультурного туризма. Это привело к существенным переменам в традиционном образе жизни коренного населения, задало новый вектор развитию народной культуры тувинцев, а также привело к смене их национальной идентичности. В то время как в России развитие этнокультурного туризма в последнее время усиленно пропагандируется в качестве панацеи для районов проживания коренных малочисленных народов, автором предпринимается попытка осветить на примере тувинцев КНР те проблемы и опасности, что оно также в себе содержит. В статье показано, что погоня за прибылью, неизбежная в условиях монетизации этничности, приводит к потере идентичности и может являться причиной неразрешимого ценностного и межпоколенного конфликта, в конце концов способствуя социальной и культурной маргинализации территорий, превращаемых в выставочные залы традиционной культуры. В целях недопущения подобных перекосов предлагается при планировании этнокультурной деятельности учитывать точку зрения коренных народов и обращать особое внимание на сохранность их традиционной среды обитания, а также по мере возможности предотвращать превращение их традиционной культуры в товар массового спроса.*

***Ключевые слова:** тувинцы, Канас, заповедники, этнокультурный туризм, идентичность.*

***Дата поступления статьи:** 7 января 2019 г.*

***Дата публикации:** 25 июня 2019 г.*

***Для цитирования:** Михалев М. С. О влиянии массового туризма на культуру, образ жизни и идентичность тувинцев Синьцзяна // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 2. С. 23–35.*

***DOI:** 10.26158/ТК.2019.20.2.002*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ: ЗА И ПРОТИВ

Развитие туризма, в особенности так называемого этнического или этнокультурного, который предполагает посещение туристами мест компактного проживания коренных малочисленных народов,

а также ознакомление с их традиционной материальной и нематериальной культурой, в кругах экспертов принято рассматривать в качестве одной из наиболее эффективных стратегий сохранения исчезающих культур малых народов планеты. Набирает популярность этот

вид досуговой деятельности и в нашей стране¹. Во многом по причине подобного роста популярности туризм давно находится в центре внимания экспертов и ученых, в том числе и антропологов. Стоит отметить, впрочем, что с тех пор, как В. Тёрнер ввел в научный оборот понятие «лиминальность» и обратил внимание исследователей на туристов как на своеобразных паломников нового века, в какой-то мере заложив основы современной антропологии туризма [Воронкова 2013], теоретические подходы к изучению данного феномена претерпели существенные изменения. В наши дни они уже не ограничиваются рефлексией по поводу трансформации личности путешественника, как это было присуще классической антропологии, все еще находящейся под влиянием идей Тёрнера [Graburn 1977], а рассматривают этот феномен комплексно, вне отрыва от экономических, социальных и политических факторов, и при этом все более утилитарно. В какой-то степени подобная смена подходов была вызвана взрывным ростом так называемого массового туризма, который, по меткому наблюдению Гурина, представляет собой «попытку заполнить пустоту и <...> исход в бесконечную пустыню» [Гурин 2004], а стало быть, больше относится к экономике, чем к культуре.

Важно упомянуть и о том, что современные исследователи вообще склонны ставить вопрос о неокOLONиальной природе туризма и иногда даже рассматривают его как современную форму империализма, при котором те или иные страны эксплуатируют культуру, историю и природу других стран или регионов [Nash 1996]. Один из самых авторитетных современных авторов в этой области, Н. Салазар, видит решение данной проблемы в развитии плюрализма подходов или, другими словами, в своеобразной смене власти, *power shift*, в том, что касается философских и антропологических концепций, рассматривающих туризм. Им, в частности, горячо приветствуются

точки зрения, высказываемые представителями тех стран, которые оказываются в наши дни в положении туристических неокOLONиий [Salazar 2017]. В то же самое время опыт Китая, где уже давно и довольно успешно развивается собственная школа исследований в области антропологии туризма, показывает, что одного лишь международного плюрализма бывает иногда недостаточно. На самом деле в этом случае дискуссия просто приобретает иное измерение и колониализм из межгосударственного превращается во внутригосударственный. Как представляется, выходом из подобного идеологического тупика является взгляд на проблему не только с точки зрения интересов центральных правительств стран, пусть и не только посылающих, но также и принимающих туристов, но и с точки зрения жителей тех районов, что подвергаются воздействию массового этнокультурного туризма.

В любом случае нельзя не отметить, что приводимые в пользу развития этнокультурного туризма аргументы многочисленны, убедительны и, безусловно, не лишены оснований. С одной стороны, интерес к экзотике, который становится в последнее время повсеместным в космополитичной городской среде, приводит к тому, что те аспекты традиционной культуры, которые самим представителям малых народов до поры до времени казались неактуальными и даже в какой-то степени мешающими их интеграции в современное общество, приобретают совершенно иное измерение. По мере того как растет спрос на изделия народных промыслов, а также возрастает популярность выступлений народных коллективов, традиционную культуру действительно становится выгоднее сохранять, чем разрушать. При этом перспективность этнически окрашенного туризма становится очевидной не только (а иногда и *не столько*) самим представителям коренных малочисленных народов, но и властям тех регионов, где расположены места их компактного

¹ «В 2013 году Министерством культуры Российской Федерации был разработан проект Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года, согласно которому одной из предпосылок развития этнокультурного и познавательного туризма должна стать разработка комплекса мер по поддержанию и развитию традиционных ремесел и промыслов народов России, что соответствует ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурного развития народов России» (2014–2020)» [Святоха, Филимонова 2014, 179].

проживания. В свою очередь, подобное осознание способствует формированию более взвешенного подхода властей к культурной и социальной унификации малочисленных народов, которая в ином случае могла привести к гораздо более серьезным для них последствиям.

Развитие этнокультурного туризма способствует еще и повышению самооценки представителей коренных малочисленных народов. Наблюдая, как обеспеченные жители мегаполисов, а иногда и гости из дальнего зарубежья восхищаются достижениями их далеких предков, они постепенно проникаются осознанием, что их традиционная культура ни в чем не уступает культуре титульной нации той или иной страны или глобальной, обезличенной городской культуре. Нельзя не упомянуть и о том, что развитие этнокультурного туризма позволяет представителям коренных малочисленных народов в какой-то мере монетизировать этничность, повысить свой уровень жизни и в то же самое время приобщиться к достижениям других народов. В конечном итоге подобный вид туризма может вести к преодолению экономической, культурной и социальной отсталости коренных малочисленных народов, являться причиной появления новых рабочих мест в местах их постоянного проживания, а стало быть, способствовать поддержанию там социальной стабильности и снижению миграционной нагрузки на соседние регионы.

Аргументов в пользу положительного влияния этнокультурного туризма на жизнь удаленных сообществ и на процессы сохранения народной культуры действительно много, однако не стоит забывать и о том, что не всегда его воздействие на социальное, культурное и экономическое развитие коренных малочисленных народов оказывается благоприятным. Обнаружить же и проанализировать тот зачастую негативный эффект, который развитие индустрии гостеприимства оказывает на национальную идентичность,

традиционную культуру и образ жизни малых народов, бывает возможно лишь там, где практика опережает теорию и туризм давно стал частью повседневной жизни удаленных регионов. В этом случае многие из вышеперечисленных аргументов за развитие туризма, которые выглядят убедительными на страницах научных журналов и в текстах правительственных постановлений, могут быть подвергнуты переоценке. Опыт Китая, где подобный этнокультурный туризм, без преувеличения, уже давно поставлен на индустриальную основу и превратился из нишевого в массовый, в этом смысле является особенно ценным. В непростой ситуации, когда его дальнейшее развитие оказывается выгодным и государству, и крупному бизнесу, преследующим свои коммерческие и политические интересы, негативное воздействие туризма на традиционные ценности, образ жизни и самосознание коренных народов постепенно становится здесь объектом осмысления для исследователей, озабоченных сохранением народной культуры.

Особенно актуальными и интересными могут оказаться для российского читателя их наблюдения и выводы относительно того, что происходит с коренным населением китайского Алтая. С одной стороны, именно ученые, занимающиеся этим регионом, чаще других обращают внимание на те опасные перекосы, что порождает чересчур бурное развитие этнического туризма². С другой — российский Алтай зачастую представляется в СМИ как регион, обладающий значительным туристическим потенциалом, и в 2015 г. здесь даже был учрежден первый в России геопарк «Алтай». Как утверждается, «...с целью стимулирования предпринимательских инициатив, создания новых рабочих мест путем генерирования новых источников дохода, связанных с развитием познавательного туризма» (цит. по: [Корф 2017, 108]). Природные красоты, этническая специфика и плотная аура мистицизма, в которую этот небольшой

² Будет уместным упомянуть в этой связи таких авторов, как Чжан Хайся и Чжан Сюйлян [Чжан Хайся, Чжан Сюйлян 2006], Нанькуай Модэге [Нанькуай Модэге 2008; 2009], Гуань Биншэн [Гуань Биншэн 2011] и Чжао Нань [Чжао Нань 2013], которые не только представляют на суд публики объективный очерк истории и культуры населяющих данный регион тувинцев, но и смело обозначают проблемы, стоящие перед малыми народами, оказавшимися в самом эпицентре туристического бума.

горный регион в самом центре Евразии окутан уже довольно давно, а также его относительная транспортная доступность побуждают теоретиков этнокультурного туризма в нашей стране рассматривать его в качестве одного из главных направлений для развития индустрии гостеприимства. В подобной ситуации не лишним будет ознакомиться с тем, какие именно опасности таит в себе коммерциализация и коммодификация этничности и к каким негативным последствиям для традиционной культуры и идентичности коренных жителей Алтая может привести развитие массового туризма в их регионе в случае, если крупный бизнес и государство действительно решит последовать китайскому примеру. Попытку критического осмысления опыта развития массового туризма с этнической подоплекой, успешно осуществляемого властями КНР, и представляет собой данная работа, подготовленная автором как на основе анализа открытых китайских и российских источников, так и на основе собственных полевых исследований в китайском Алтае.

ТУВИНЦЫ СИНЬЦЗЯНА: «ЗАГАДОЧНОЕ ПЛЕМЯ»

В научной литературе встречается утверждение, что тувинцы проживают в самом отдаленном, самом труднодоступном северном углу Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, по крайней мере, уже в течение двух столетий [Монгуш 2010, 213]. Подобная датировка призвана отсылать читателя к тому историческому периоду, когда после военного разгрома прекратило свое существование Джунгарское ханство и большая часть его территории вошла в состав Китайского государства. Следует подчеркнуть, что в то же самое время под властью Китая были и современная Республика Тыва, и Монголия. В связи с этим нет ничего удивительного, что незначительная часть бывших в то время кочевыми тувинцев действительно могла оказаться в некотором отдалении

от основной массы своих соплеменников. При этом тувинцы Синьцзяна превратились в особую группу со своими уникальными культурными характеристиками лишь значительно позднее, уже непосредственно в XX столетии. Именно тогда в результате революционных событий в Китае, Монголии и России образовалась Тувинская Народная Республика (ТНР), в конечном итоге вошедшая в состав СССР в 1944 г. Это привело к тому, что тувинцы, оставшиеся на территории Китая, оказались полностью отрезанными от своих соплеменников сначала в ТНР, а затем и в Советском Союзе. А события второй половины прошедшего столетия, такие, как советско-китайский раскол 50–60-х годов и распад СССР в 1991 г., когда в непосредственной близости от районов компактного проживания тувинцев Синьцзяна прошла граница между Россией и Казахстаном, способствовали еще большей географической и культурной изоляции этой малочисленной этнолокальной группы. В результате она оказалась зажатой на небольшом труднодоступном горном пятачке в районе пересечения границ четырех государств³.

Во многом благодаря подобному стечению исторических и политических обстоятельств тувинцы Синьцзяна вплоть до конца 80-х годов прошлого века оставались своеобразным «потерянным племенем», каким его и застали первые исследователи, посетившие этот труднодоступный уголок Китая. Вынужденная изоляция от внешнего мира способствовала, однако, тому, что они не просто выжили в сложных исторических условиях, но и смогли сохранить в относительной неприкосновенности свою национальную культуру. Свадебные и похоронные обряды, народные песни и сказания, особенности языка и предметы материальной культуры, а также традиционный хозяйственный уклад, важными составляющими которого являлись пастбищное скотоводство и охота, не претерпели у них столь же значительных перемен, какие

³ В настоящее время тувинцы Синьцзяна компактно проживают в селах Хом, Ханас и Ак-Хаба округа Алтай Или-Казахского автономного округа Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР [Юша 2018, 30]. В связи с тем что в Китае они не выделяются в отдельную национальность и по этой причине не учитываются официальной статистикой, говорить об их численности можно лишь приблизительно. Как правило, оценки исследователей варьируются в диапазоне от 2000 до 4000 человек [Монгуш 2010, 216].

выпали на долю тувинцев ТНР, вошедшей в состав СССР. По большому счету они стали хранителями традиционной культуры помимо своей воли и по прихоти судьбы, не имея возможности контактировать с остальными частями единой прежде этнической общности.

Резко возросший в начале 90-х годов прошлого столетия рост интереса к культуре, языку и истории тувинцев Синьцзяна оказался плотно связан с быстрым развитием туризма в этом регионе. История превращения одного из самых отдаленных уголков Китая в общенациональную туристическую достопримечательность уровня ААААА⁴ началась в 1980 г., когда в местах традиционного проживания тувинцев Китая был основан Канасский природный заповедник. Как это обычно и происходит в подобных случаях, несмотря на то что целью формирования новой территории ограниченного природопользования была защита уникальных для Северо-Западного Китая горно-таежных ландшафтов, вскоре после создания заповедника в его районе стал отмечаться постепенный рост числа ежегодных посещений туристов. Данная тенденция лишь усилилась после того, как в 1986 г. заповедник получил статус общенационального, при этом вплоть до 1990 г. уровень посещаемости все же не превышал 7000–8000 человек в год (здесь и далее в этом абзаце данные по: [Нанькуай Модэгэ 2009, 215–219]). Возрастающая антропогенная нагрузка в конце концов привела к тому, что в 1996 г. между дирекцией национального парка, проявляющей заботу о сохранении биологического разнообразия, и местными властями, заинтересованными в дальнейшем притоке туристов и росте связанных с этим доходов, возник конфликт. В итоге была достигнута договоренность о координации усилий и создании совместного органа, в функции которого входили бы контроль и упорядочивание туристической деятельности в регионе. Последующие за этим четыре года характеризуются тем, что на Канас приходит крупный бизнес, туристический поток

ставится под их контроль, а сама заповедная территория приобретает общенациональную известность. В это же время акцент в стратегии продвижения смещается с красот природы на культуру жителей региона, которые в очередной раз не по своей воле оказываются заложниками большой политики, в этот раз экономической и природоохранной.

Владельцам туристических компаний и действующим в тесной связке с ними представителям властей становится очевидным, что проживающие в этих краях тувинцы представляют собой «уникальный этнический продукт», которым может удачно дополнить пользующиеся все возрастающей популярностью природные красоты региона. Начинается конструирование легенды о проживающем в заповедных Алтайских горах «последнем племени». Как отмечает по этому поводу Хоу Юсинь [Hou Yuxin 2014, 97], власти настойчиво пропагандировали особую тувинскую идентичность, для того чтобы привлечь в регион туристов, всегда особенно падких на любые «загадочные народы». По мере того как туристический поток приближался к отметке в одну тысячу человек в день, спрос на подобную экзотику действительно возрастал. В период после 2000 г. Канас окончательно становится визитной карточкой Синьцзяна и приобретает общенациональную известность. Туристический поток постепенно достигает 100 тысяч посещений в год, а доход туристической индустрии за период с 2001 по 2005 г. уже превышает один миллиард юаней (по: [Нанькуай Модэгэ 2009, 218]). Несмотря на то что инфраструктура не справляется с наплывом туристов, желающих посетить «загадочное горное озеро», на берегах которого по воле журналистов теперь уже проживают «забытые Чингисханом войны», становится все больше и больше. Тувинцы Канаса окончательно превращаются в персонажей документальных фильмов и туристических брошюр, где они «представляются диким народом, живущим среди гор и тайги и не привыкшим к благам цивилизации» [Юша 2018, 60].

⁴ В 1999 г. в КНР был введен свод правил «Оценка и классификация уровня качества туристических достопримечательностей», разработанный Национальным управлением туризма. Согласно этому своду, все туристические достопримечательности Китая делятся на пять категорий: от А (самая низкая) до ААААА (высшая). Последняя категория, ААААА, была добавлена в 2003 г.

КОНКУРЕНЦИЯ И МАРГИНАЛИЗАЦИЯ

Приступая к рассмотрению влияния массового туризма на жизнь тувинцев Синьцзяна, следует, прежде всего, отметить, что приход крупного бизнеса и массовый наплыв туристов из других регионов страны нанесли существенный урон экологии Канаса. Хотя властям в довольно краткие сроки и удалось взять ситуацию под контроль, ограничив возможность свободного посещения и хозяйственного освоения заповедной территории и прилегающих к ней районов, негативное воздействие ставшего массовым туризма на повседневную жизнь привыкших к уединенной жизни в горах тувинцев было и остается огромным. Повышенная нагрузка на дорожную сеть, хаотическое нагромождение разношерстных объектов туристической инфраструктуры и постоянные проблемы с вывозом мусора многократно усиливаются постоянным шумовым фоном, загрязнением воздуха и водной среды. Пастбищные угодья, и так ограниченные в условиях горной тайги, постоянно сокращаются, по мере того как в окрестностях Хома, Ханаса и Ак-Хабы, как грибы после дождя, возводятся новые объекты инфраструктуры, а туристы осваивают прогулки по окрестным горам. Историческое село Ханас, в котором с давних пор проживали как тувинцы, так и казахи, в 1999 г. и вовсе было перенесено на новое место в угоду интересам туристических компаний⁵. На берегах близлежащего озера при этом открылось 39 заведений туристического бизнеса — караоке-клубов, гостиниц, дискотек, парковок, вилл, гостиниц [Нанькуай Модэгэ 2009, 223–228]. Таким образом, жителям села был причинен существенный материальный и моральный ущерб.

Однако гораздо более опасной оказалась экономическая, социальная и культурная маргинализация, которой подверглись в ходе туристического освоения их земель коренные жители Канаса. Во многом это было вызвано тем, что практически в одночасье резко усложнилась

социальная среда их обитания, ведь за довольно ограниченные и ставшие от этого особо ценными ресурсы вступили в борьбу и чиновники, и представители туристического бизнеса, и инвесторы. Пользуясь экономической неискушенностью местных тувинцев и обладая значительно большими, чем у последних, финансовыми, административными и силовыми ресурсами, они довольно быстро подчинили их своим интересам. Подобному развитию событий способствовало и то, что до 2014 г. частные компании, обслуживающие туристов, ежегодно выдавали местному населению (каждому члену семьи) денежные пособия, с тем условием, чтобы они не открывали в своих домах гостиницы для туристов⁶. Местные тувинцы оказались не подготовлены и к тому же не были заинтересованы в развязывании жесткой конкурентной борьбы за «длинный туристический юань», а потому оказались на своей земле гостями. Как отмечает по этому поводу Нгуэн, когда в конце концов Канас превратился в своего рода «супермаркет тувинской культуры», его коренные жители были уже не уверены в том, что они в этом самом супермаркете исполняют роль хозяев, а не манекенов [Nguyen 2014, 34].

С другой стороны, те тувинцы, которые попытались принять новые правила игры, в конечном итоге оказывались в еще большем проигрыше, причем этот проигрыш оказывался совсем другого рода. В связи с тем что гостиничный и ресторанный бизнес был им до определенного времени недоступен, многие тувинцы стали сдавать в аренду свои дома и предоставлять напрокат своих лошадей. Гости охотно платили по 100 юаней и более за возможность краткой поездки до наблюдательной платформы, расположенной, к примеру, на окраине Хома, и в условиях постоянно возрастающего спроса на эту услугу та сумма, которую удавалось заработать наиболее успешным арендаторам за летний сезон, оказывалась существенным подспорьем. Однако платой за этот скромный экономический успех оказался

⁵ В силу сложившейся традиции в данной статье национальный парк и озеро *Канас*, а также тувинское поселение *Ханас* приводятся в различной транскрипции, хотя в китайском варианте их написание полностью идентично.

⁶ Каждый житель Ак-Хабы получает 4000 юаней КНР, Хома — 6000 юаней, Ханаса — 10 000 юаней [Юша 2018, 59].

конфликт поколений и конфликт социальных ролей. Как убедительно показывает в своем исследовании Нгуэн, ситуация, при которой на рынке услуг в положении конкурентов по отношению друг к другу оказываются учителя сельской школы и их ученики, ведет к тому, что при возвращении в начале учебного года за школьную парту последние не воспринимают педагогов в качестве моральных авторитетов. Не являются более для них таковыми и родители, доходы которых иногда оказываются значительно ниже их собственных. Это ставит под угрозу воспитание морально полноценного поколения.

В свое время российская исследовательница тувинцев Синьцзяна М. Монгуш высказывала опасения по поводу участия детей в жесткой конкурентной борьбе: «...чувство соперничества, желание быть лучше своих сверстников в этом деле им уже хорошо знакомо. Трудно сказать, к чему в будущем приведет подобная “жизненная закалка”, но сегодня дети китайских тувинцев выглядят настоящими торговцами» [Монгуш 2012, 140]. Посетив в 2018 г. Хом, автор лично убедился, что многие из тех самых детей, о возможном моральном опустошении которых несколько лет назад предупредила Монгуш, действительно превратились в лишнюю авторитетов и морально деградировавшую асоциальную массу. О подобной же социальной маргинализации, о росте преступности, иждивенческих настроениях и алкоголизме как порождении туристического бума говорит и китайский исследователь Хоу Юсинь [Hou Yuxin 2014], напрямую обвиняя в проблемах подрастающего поколения проникновение на Канас товарно-денежных отношений, в условиях господства которых местные тувинцы оказались в заведомо проигрышном положении.

Было бы, конечно, не совсем корректным утверждать, что все они без исключения оказались на обочине экономического бума, поразившего их родные места, или что каждого из них заботит коммодификация и коммерциализация их традиционной культуры. Многие из них с искренним энтузиазмом восприняли те

перемены в жизни, которые принес в их края массовый туризм, и те новые экономические возможности, которые он им предоставил. В настоящее время эти люди имеют достаточно хороший для отдаленного региона годовой доход, могут позволить себе покупку дорогих машин и вместе с тем с гордостью называют себя тувинцами. В то же самое время их традиционная культура, которая в новых экономических условиях становится востребованной на рынке, в какой-то степени переживает своего рода ренессанс. Возрождается традиция празднования тувинского нового года Шагаа, приводятся в порядок старинные овалы, отправляются за границу, в Туву, обучаться горловому пению студенты.

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Все это, однако, не устраняет, а лишь усугубляет самую главную проблему, которую породило развитие массового туризма. Имеется в виду кризис идентичности, вызванный созданием искаженного образа тувинцев как первобытных дикарей, на котором во многом строится и строилась его рекламная кампания. В этом плане практика выплаты денежных пособий и отчислений от поступлений за входные билеты на территории тувинских поселений⁷, которая приводит к росту доходов местных жителей, лишь усугубила ситуацию, ибо они, сознательно или подсознательно, ощущают себя дикими зверями из зоопарка, на которых приезжают посмотреть как на забавную диковинку или редкий экспонат. Ситуация, при которой гиды ради придания большей экзотичности, а стало быть, и ценности своему продукту рассказывают туристам небылицы о первобытном племени из тайги и ссылаются при этом на соответствующие документальные фильмы, демонстрирующие по центральному телевидению Китая [Юша 2018, 60], культивирует у гостей Канаса ощущение собственного превосходства. Причем превосходства как по отношению к самим тувинцам, так и по отношению к их традициям, верованиям, обрядам и образу жизни в целом [Nguyen 2014, 45]. Неудивительно, что в этих условиях и сами коренные жители этих

⁷ Стоимость посещения каждой из деревень в летнее время составляет от 100 до 200 юаней КНР. Часть из этих существенных денежных поступлений достается коренным жителям.

мест начинают верить в свою культурную второсортность. В большей степени это касается конечно же подрастающего поколения, которое в силу своего лучшего владения китайским языком и более регулярного общения с туристами сильнее подвержено стигматизации, более восприимчиво и ранимо. Свою лепту вносят и любители фотографии, которые давно признали Канас своей Меккой и посещают его в индивидуальном порядке или в составе специально организованных групп⁸.

Подобная ситуация, при которой коренные тувинцы чувствуют себя музейным экспонатом и культурно второсортным народом, приводит к тому, что у тех из них, у кого дела идут относительно хорошо, появляется желание навсегда покинуть свою историческую родину. Они покупают на заработанные средства квартиры и дома за пределами региона, после чего посещают его лишь для того, чтобы делать бизнес на ставшей им чуждой культуре предков. Как это ни прискорбно, Хом и Ханас действительно превращаются для них в своеобразный зоопарк, из которого им хочется выбраться при любой возможности, но работа в котором при этом приносит им определенный доход. В результате складывается парадоксальная ситуация: изначально тувинские села постепенно становятся казахскими и ханьскими по мере того, как недвижимость здесь скупают приезжие, превращающие дома коренных жителей этих мест в гостиницы и рестораны на тувинскую тематику, в то время как сами тувинцы стараются покинуть эти края, не желая считать себя таковыми.

В таких условиях говорить о сохранении и тем более о развитии истинно народной культуры становится затруднительным. Сочетание безжалостной коммерциализации и стигматизации, помноженное на экономическую и социальную маргинализацию, приводящую в конце концов к оттоку самих ее носителей в соседние регионы, неизбежно приводит

к выхолащиванию ее сути и превращению в эрзац самой себя. Вместе с тем некоторые решения властей, которые знаменуют собой окончательное превращение Канаса в тематический парк по мотивам народной культуры, только усиливают подобный негативный эффект. Интересно, что многие из этих решений находятся в полном противоречии с изначальными задачами этнокультурного туризма, призванного пропагандировать традиционную культуру и, используя ее как ценный ресурс, все-таки способствовать ее развитию. Так, тувинцам запрещено ставить во дворах юрты под предлогом того, что они недостаточно радуют глаз туриста [Юша 2018, 56]. С начала нулевых готов действуют запреты на охоту и вырубку леса, что для охотников горно-таежной зоны означает невозможность воспроизводства их традиционного образа жизни⁹. Решение же местных властей, принятое в 2018 г., которое предписывает населению тувинских сел продать или забить весь имеющийся в его распоряжении крупный и мелкий рогатый скот и, по неподтвержденным данным, даже собак, остро ставит вопрос о выживании тувинского этноса в КНР вообще. До настоящего времени именно сохранность традиционного пастбищного скотоводства, которым местные жители могли заниматься в свободное от туристов время, гарантировало сохранность их культурного кода. После исполнения этого решения властей о тувинском характере поселений в окрестностях Канаса можно будет говорить лишь с большой долей иронии. Симптоматично, что и это противоречивое решение было принято «в интересах туристов», ибо, как уверяют законодатели, скот топчет траву, которую те так любят фотографировать, к тому же деревенские собаки могут непреднамеренно покусать находящихся на отдыхе горожан.

В ситуации, когда коренное население либо деградирует, либо покидает родные места, а его традиционный образ жизни становится жертвой заботы об

⁸ О том, как постоянное присутствие в объективе фотоаппарата в качестве объекта праздного любопытства негативно влияет на детскую психику, пишет, в частности, Чжао Нань [Чжао Нань 2013].

⁹ Интересно, что это решение несколько не способствовало улучшению экологической ситуации в регионе, ибо в условиях туристического бума и вызванного им загрязнения окружающей среды дикие животные массово мигрируют на территорию сопредельных стран [Hou Yuxin 2014, 98].

эстетичности фотоснимков, становится неуместным говорить о существовании на территории Канаса истинно тувинских сел. И это при том, что именно культура этого небольшого народа уже давно служит одним из основных аттракторов, благодаря которому и становится возможным привлечение многих из тех туристов, ради удобства которых она и уничтожается в настоящее время! В этой связи необходимо согласиться с китайскими исследователями, утверждающими, что прямым следствием развития массового туризма на Канасе являются не подъем самосознания тувинцев и улучшение уровня жизни, а полная утрата традиционной культуры, сокращение коренного населения, пьянство и снижение жизненных стандартов для значительной доли населения [Нанькуай Модэяэ 2009, 242]¹⁰.

Интересно, что в условиях форсирования новой идентичности, когда жители Хома, Ханаса и Ак-Хабы привыкают к своей роли музейного экспоната и «последнего загадочного племени», даже их традиционное самоназвание кок-мончаки уступает место продвигаемому во многом именно с этой целью этнониму «тувинцы». На самом деле вплоть до самого недавнего времени они редко использовали в обиходе само это слово, предпочитая, по ряду экономических и политических причин, открыто идентифицировать себя либо с монголами [Юша 2018, 32], к которым их причисляла официальная статистика, либо с казаками, с которыми у них много общего в языке и культуре. Во многом по причине подобной неразберихи в терминах, во многом из-за труднодоступности района их проживания тувинцы КНР вплоть до середины 90-х годов прошлого века оставались практически неизвестными этнографической науке, причем не только в России или на Западе, но и в самом Китае. До нас дошли лишь немногочисленные и отрывочные публикации более раннего периода, посвященные коренным жителям данного региона, в которых используется этноним тувинцы, или *тува-жэнь* (см., к примеру: [Су Бэйхай 1985; Го Юньхуа, Туна 1987]). Однако в наши дни, одновременно

с постоянно усиливающейся мифологизацией собственного образа, старый этноним постепенно выходит из употребления. Это с удивлением отмечает российская исследовательница М. Монгуш, посетившая своих старых друзей в Хоме и Ханаса спустя двадцать лет после своей первой экспедиции, состоявшейся в 1993 г., еще до начала кампании по их окончательной мистификации [Монгуш 2012, 141]. В этой связи можно смело утверждать, что туризм сыграл важнейшую роль в судьбе и идентичности живших на Канасе кок-мончаков, превратившихся в «загадочных тувинцев», а также коренным образом изменил их мировоззрение, ценности, образ жизни, а в конце концов, и вовсе поставил вопрос выживания в качестве особой этнолокальной группы.

ТУРИЗМ И ПРОЦВЕТЕНИЕ: НЕОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СООТВЕТСТВИЕ

Безусловно, в истории с Канасом и постепенной потерей его жителями своей изначальной идентичности важную роль сыграли случайные или локальные факторы. Сказались и долговременная оторванность тувинцев от материнского этноса, и хрупкость их традиционной модели природопользования, и просчеты и перегибы местных властей, готовых пойти на все ради максимизации прибыли и не принимающих в расчет опасения, чаяния и пожелания простых тувинцев. Об этом, надо отдать им должное, в настоящее время много пишут китайские авторы, предлагая различные рецепты для того, чтобы переломить сложившуюся тенденцию, добиться в итоге полноценного участия местных жителей в развитии своего края и преодолеть, таким образом, их отчуждение от своего исконного природного и культурного окружения, вызванное диспропорциями туристического развития [Чэнь Ли и др. 2011; Ян Фуюй 2015; Тан Вэнься, Юань Сяюй, Цзи Голян 2018].

Представляется, однако, что проблема состоит не только в тувинцах Синьцзяна и тем более не в тех или иных законах и постановлениях, регулирующих развитие этнокультурного туризма, которые оказались уникальными на Канасе

¹⁰ Схожей точки зрения придерживается и Чжао Нань, которая выражает уверенность, что основной причиной множества поразивших Канас проблем является именно развитие здесь туризма [Чжао Нань 2013].

и которые, как предполагается, можно будет скорректировать в другом регионе или в отношении другого народа. Скорее, она заключается в порочности практики, когда один народ, более крупный и вместе с тем экономически более развитый, принимает решение за другой народ, не столь многочисленный и при этом придерживающийся иной системы ценностей¹¹. Практики, при которой решение принимается без учета культурных и исторических особенностей людей, проживающих на территории, которую предлагается превратить в тематический парк по мотивам их народной культуры. Дело, другими словами, в порочности практики навязываемого извне той или иной модели развития, при которой инициатива перемен рождается не внутри того или иного сообщества, а вне его пределов. Кроме того, сами эти перемены осуществляются с использованием методов, этому сообществу абсолютно незнакомых, а зачастую и вовсе чуждых. И в этом смысле тот плюрализм мнений, о котором говорит Н. Салазар, должен быть обязательно дополнен плюрализмом в политике, о котором также можно и нужно говорить.

Можно возразить, что сами эти локальные сообщества стремятся к развитию на своей территории инфраструктуры этнокультурного туризма — иногда в ослеплении от мнимых успехов своих соседей, иногда под воздействием умелой пропаганды со стороны. Играет свою роль и вполне объяснимая потребность людей прежде всего удовлетворить свои материальные запросы. Перспектива утраты традиционной культуры или национальной идентичности на самом деле никогда не бывает столь же пугающей, как перспектива недоедания или отсутствия минимальных удобств. И индивидуальные интересы людей очень часто пересиливают потребности сообщества в целом, тем более в том случае, когда приоритет первых над последними начинает активно пропагандироваться, как это происходит в наши дни в Китае. Все это действительно так. Несмотря на это, однако, представляется, что не стоит полностью поддаваться искушению морального релятивизма и вставать на сторону тех, кто вольно или невольно ведет ситуацию к эрозии национальной культуры, социальной маргинализации и стигматизации малых народов, а в конечном итоге и к их окончательному исчезновению.

Источники и материалы

Монгуш 2010 — *Монгуш М. В.* Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака, 2010.

Монгуш 2012 — *Монгуш М. В.* У тувинцев Синьцзяна: двадцать лет спустя // Новые исследования Тувы. 2012. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_16/5654-mongush.html (дата обращения: 20.11.2018).

Нанькуай Модэгэ 2009 — 南快莫德格. 新疆图瓦人社会文化田野调查与研究. *Нанькуай Модэгэ*. Синьцзян туважэнь шэхуэй вэньхуа тянье дяоча юй яньцзю [Исследования по социальной культуре тувинцев Синьцзяна]. Пекин, 2009 (на кит. яз.).

Тан Вэнься, Юань Сяоюй, Цзи Голян 2018 — 汤文霞, 袁小玉, 季国良. 图瓦文化在旅游背景下的发展路径 — 以禾木村图瓦人为例. *Тан Вэнься, Юань Сяоюй, Цзи Голян*. Тува вэньхуа цзай люйю бэйцзин ся дэ фачжань луцзин и Хэму цунь тува жэнь вэйли [Перспективы развития тувинской культур в контексте развития туризма — на примере тувинцев деревни Хом] // Journal of Shihezi University (Philosophy and Social Sciences). 2018. № 1. С. 27–32 (на кит. яз.).

Чжан Хайся, Чжан Сюйлян 2006 — 张海霞, 张旭亮. 喀纳斯湖景区图瓦民俗旅游开发与地方文化保护问题的探讨. *Чжан Хайся, Чжан Сюйлян*. Канасы ху цзиньцюй тува миньсю люйю кайфа юй дифан вэньхуа баоху вэньти дэ таньтао [Дискуссия о проблемах развития этнокультурного туризма и охраны местной культуры — на примере тувинцев природного парка Канас] // Journal of Arid Land Resources and Environment. 2006. № 2. С. 71–76 (на кит. яз.).

Чжао Нань 2013 — 赵楠. 别样的童年 — 民族旅游背景下的儿童成长启示. *Чжао Нань*. Бейан дэ туннянь — миньцзу цзую бэйцзин ся дэ эртун чэнчжан циши [Разное детство: уроки взросления на фоне этнического туризма]: Master Thesis in Social Anthropology. Beijing, 2013 (на кит. яз.).

Чэнь Ли и др. 2011 — 谌莉, 杨兆萍, 陈学刚, 刘旭玲. 喀纳斯图瓦村落社区参与旅游发展调查. *Чэнь Ли и др.* Канасы тува цуньлю шэцзюй цанььюй люйюфачжань дяоча [Исследование вовлеченности жителей тувинского поселка Ханас в развитие туризма] // Arid Land Geography. 2011. № 4. С. 700–706 (на кит. яз.).

¹¹ На этом настаивает, к примеру, Гуань Биншэн [Гуань Биншэн 2011].

Ян Фуюй 2015 — 杨馥雨. 旅游业影响下的图瓦人物质生活习俗变迁. *Ян Фуюй. Люйюе инсян ся дэ туважэнь учжи шэнхо сису бяньцян* [Изменения в быту тувинцев под влиянием туристического бизнеса]: Master Thesis in Folklore. University of Xinjiang, 2015 (на кит. яз.).

Hou Yuxin 2014 — *Hou Yuxin*. The analysis of current situation of Tuva people in China // Новые исследования Тувы. 2014. № 1. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_21/6984-hou.html (дата обращения: 20.11.2018).

Исследования

Воронкова 2013 — *Воронкова Л. П.* У истоков антропологии туризма: Виктор Тёрнер // Российский научный журнал. 2013. № 1 (32). С. 70–75.

Го Юньхуа, Туна 1987 — 郭蕴华, 吐娜. 新疆阿勒泰地区的蒙古族与“图瓦人”. *Го Юньхуа, Туна*. Синьцзян Алэтай дицюй дэ мэньнгүцзуюй «туважэнь» [«Тувинцы» и монголы Алтайского округа Синьцзяна] // Social Sciences in Xinjiang. 1987. № 15. С. 4–5 (на кит. яз.).

Гуань Биншэн 2011 — 关丙胜. 族群的演进博弈 — 中国图瓦人研究. *Гуань Биншэн*. Цзүцюнь дэ яньцзинь бои — Чжунго туважэнь яньцзю [Игра эволюции этноса: Исследования тувинцев Китая]. Пекин, 2011 (на кит. яз.).

Гурин 2004 — *Гурин С. П.* Туризм как антропологический феномен // Топос. 2004. 23 марта. URL: <http://www.topos.ru/article/2169> (дата обращения: 17.03.2019).

Корф 2017 — *Корф Е. Д.* Проблемы и перспективы развития геопарка «Алтай» // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 2. С. 108–115.

Нанькуай Модэгэ, Адиль Хасим 2008 — 南快莫德格, 阿地力. 哈斯木. 论新疆图瓦蒙古人的生态观. *Нанькуай Модэгэ, Адиль Хасим*.

Лунь Синьцзян тува-мэнгүжэнь дэ шэнтайгаунь [Обсуждение экологического мировоззрения тувинцев Синьцзяна] // Social Sciences in Xinjiang. 2008. № 4. С. 96–99 (на кит. яз.).

Святоха, Филимонова 2014 — *Святоха Н. Ю., Филимонова И. Ю.* Подходы к классификации этнического туризма // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 6 (167). С. 179–183.

Су Бэйхай 1985 — 苏北海. 新疆阿尔泰山区土瓦族的来源和现状. *Су Бэйхай*. Синьцзян Аэргтайшань цюй тувацзү дэ лайюань хэ сяньчжуан [Происхождение и современное положение тувинцев Алтайских гор в Синьцзяне] // Journal of Xinjiang University (Philosophy, Humanities & Social Science). 1985. № 1. С. 41–49 (на кит. яз.).

Юша 2018 — *Юша Ж. М.* Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2018.

Graburn 1977 — *Graburn N. H. H.* Tourism: The sacred journey // Hosts and guests: The anthropology of tourism / V. L. Smith (ed.). Philadelphia, 1977. P. 33–47.

Nash 1996 — *Nash D.* Anthropology of tourism. New York, 1996.

Nguyen 2014 — *Nguyen T.* 对民族文化记忆的诉求 — 亚洲内击民族文化发展经历启. Дуй миньцзү вэньхуа цзии дэ сүцзю [Потребность в памяти для народной культуры. Уроки развития культуры народов Внутренней Азии]: PhD Thesis in Social Anthropology. Beijing, 2014 (на кит. яз.).

Salazar 2017 — *Salazar N. B.* Anthropologies of tourism // *American Anthropologist*. 2017. Vol. 119. № 4. P. 723–747.

© М. С. Михалев, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Михалев М. С. <https://orcid.org/0000-0001-5695-6915>

Кандидат юридических наук, докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (495) 938-00-19; e-mail: maxmikhalev@yahoo.com

THE INFLUENCE OF MASS TOURISM ON THE CULTURE, LIFESTYLE AND IDENTITY OF THE TUVA PEOPLE OF XINJIANG

MAXIM S. MIKHALEV

(N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences:
32a, Leninskiy av., Moscow, 119334, Russian Federation)

Summary. During the three last decades villages in Xinjiang populated by China's Tuva people were turned into destinations for mass tourism. This brought significant changes to their traditional lifestyle, heavily influenced their self-identity and shaped the development of their ethnic culture. Ethno-cultural tourism is also heavily promoted now in Russia as a sort of panacea for issues concerning national minorities and the author attempts to highlight the risks this entails, taking the Tuva people of Xinjiang as an example. He shows that "ethnic monetization" caused by the pursuit of profit, unavoidable during this process, may cause a loss of dignity, conflict over values and, eventually, social and cultural marginalization of territories that have been turned into exhibitions of traditional culture. The article suggests that in order to avoid similar excesses the interests of the indigenous groups in question must be taken into consideration, their living environment preserved, and their traditional culture not turned into commodities.

Key words: Tuva people, Kanas, national parks, ethno-cultural tourism, identity.

Received: January 7, 2019.

Date of publication: June 25, 2019.

For citation: Mikhalev M. S. The influence of mass tourism on the culture, lifestyle and identity of the Tuva people of Xinjiang. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 23–35. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.2.002

References

Graburn N. H. H. (1977) Tourism: The sacred journey. In: Hosts and guests: The anthropology of tourism. V. L. Smith (ed.). Philadelphia. Pp. 33–47. In English.

Gurin S. P. (2004) Turizm kak antropologicheskii fenomen [Tourism as an anthropological phenomenon]. *Topos*. 2004. 23 March. URL: <http://www.topos.ru/article/2169> (retrieved: 17.03.2019). In Russian.

Korf E. D. (2017) Problemy i perspektivy razvitiya geoparka "Altay" [Problems and perspectives of "Altai" geopark development]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* [Society. Environment. Development]. 2017. No. 2. Pp. 108–115. In Russian.

Nash D. (1996) Anthropology of tourism. New York. In English.

Nguyen T. (2014) 对民族文化记忆的诉求 — 亚洲内击民族文化发展经历启示. *Dui minzu wenhua jiyi de suqiu — Yazhou neiji minzu wenhua fazhan jingli qishi* [The need for ethnic memory. Lessons of cultural development of the peoples of Inner Asia]. PhD Thesis in Social Anthropology. Beijing. In Chinese.

Salazar N. B. (2017) Anthropologies of tourism. *American Anthropologist*. 2017. Vol. 119. No. 4. Pp. 723–747. In English.

Svyatokha N. Yu., Filimonova I. Yu. (2014) Podkhody k klassifikatsii etnicheskogo turizma [Approaches to the classification of ethnic tou-

rism]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Orenburg State University Herald]. 2014. No. 6 (167). Pp. 179–183. In Russian.

Yusha Zh. M. (2018) Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale XXI veka: struktura, semantika, pragmatika [Folklore and rituals of Tuvans at the start of the 21st century. Structure, semantics, pragmatics]. PhD Thesis in Philology. Moscow. In Russian.

Voronkova L. P. (2013) U istokov antropologii turizma: Viktor Turner [The origins of the anthropology of tourism]. *Russkiy nauchnyy zhurnal* [Russian science magazine]. 2013. No. 1 (32). Pp. 70–75. In Russian.

郭蕴华, 吐娜 (1987) 新疆阿勒泰地区的蒙古族与“图瓦人”. *Guo Yunhua, Tuna. Xinjiang Alietai diqu de mengguzu yu "tuwaren"* ["Tuvan" people and Mongols of the Altai district of Xinjiang]. *Social Sciences in Xinjiang*. 1987. No. 15. Pp. 4–5. In Chinese.

关丙胜 (2011) 族群的演进博弈 — 中国图瓦人研究. *Guan Bingsheng. Zuqun de yanjin boyi — Zhongguo tuwaren yanjiu* [The game of ethnic evolution. Research on China's Tuva people]. Beijing. In Chinese.

南快莫德格, 阿地力. 哈斯木 (2008) 论新疆图瓦蒙古人的生态. *Nankuai Modege, Adili Hasimu. Xinjiang Tuwa Mengguren de shengtai-guan* [On the ecological worldview of Xinjiang Tuva Mongolian people]. *Social Sciences in Xinjiang*. 2008. No. 4. Pp. 96–99. In Chinese.

苏北海 (1985) 新疆阿尔泰山区土瓦族的来源和现. Su Beihai. Xinjiang Aertai shanqu Tuwazu de lai yuan he xian zhuang [The origin and current situation of the Tuvan people of the Altai

mountains in Xinjiang]. *Journal of Xinjiang University (Philosophy, Humanities & Social Science)*. 1985. No. 1. Pp. 41–49. In Chinese.

© M. S. Mikhalev, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Maxim S. Mikhalev <https://orcid.org/0000-0001-5695-6915>

E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Tel.: +7 (495) 938-00-19

32a, Leninskiy av., Moscow, 119334, Russian Federation

PhD in Law, Post-doc Fellow, N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)